

Семен Шпунгин

Баг-Ям, Израиль

ЮРМАЛЬСКИЕ ПРОГУЛКИ С АРКАДИЕМ РАЙКИНЫМ

Санаторий «Рижское взморье» («Ригас Юрмала») — ныне первоклассный отель — некогда принадлежал Четвертому управлению Минздрава Латвии. Каждый, кто бывал в Майори, видел оригинальное современное здание наподобие многопалубного корабля. Это главный корпус, подступающий вплотную к золотистому пляжу. Кроме него, в комплекс входило несколько благоустроенных особнячков старой постройки. По численности персонал санатория вдвое превышал количество отдыхающих, которых здесь обслуживали с подчеркнутой учтивостью и предупредительностью. Лечебное отделение со всевозможными процедурами, комфортабельные жилые комнаты, тренажерные и спортивные залы, бассейн с каскадом, сауны, столовая ресторанного типа — все было по высшему разряду.

В таких условиях блаженствовала, отвлекаясь от суетных дел, партийная и чиновничья элита республики. Но сюда по разным протекциям приезжали также гости из Москвы, Ленинграда, Киева, других городов. Престижные путевки нередко доставались академикам и знаменитым врачам, популярным артистам и композиторам, известным спортсменам и прочим «звездам». Мне же доводилось много раз попадать в этот райский уголок по расчерку пера министра здравоохранения Латвийской ССР В. Канепа. Его щедрость по отношению ко мне объяснялась просто. Министр благоволил к журналистам, которые не обходили вниманием подведомственную ему медицину.

«Рижское взморье» издавна облюбовал и Аркадий Исаакович Райкин¹, отдыхавший здесь едва ли не каждое лето². Однажды наше пребывание в санатории совпало. Было это в 80-х гг., на заре «перестройки». Райкин, вызывавший всеобщее любопытство, держался неприметно, но не обособленно. Мы познакомились без всяких условностей, как обычно случается на курорте. При встречах разговаривали то урывками, то довольно продолжительно, прогуливаясь или найдя укромное местечко в просторном холле, устланном коврами. Между тем среди отдыхающих подобралась небольшая компания еврейских интеллигентов, державшихся поодаль от номенклатурной знати. Как-то, увидев их в сборе, Райкин окликнул всех на *идише: «*Работай, кумт эсн митик!*» («Господа, пошли обедать!»).

Стол, за которым сидели Райкины, располагался слева от входа в столовую. Их было пятеро: Аркадий Исаакович с супругой Ромой Марковной³ (она к тому времени перенесла тяжелое заболевание), их дочь Екатерина и сын Константин со своей первой женой. Помню, Константин без умолку хохотал, шумно изъяснялся и куражился за едой, нисколько не считаясь с косыми взглядами в его сторону. Похоже, он намеренно эпатировал местную публику — знай наших! А вечерами при полном аншлаге шли его концерты в большом открытом зале филармонии в Дзинтари. И ни один из них не пропустил Аркадий Исаакович, неизменно находившийся в первом ряду среди зрителей. Надо было видеть, как просветлялось его лицо, когда он делился впечатлениями об этих

Поступило сверх программы конференции.

концертах, с каким нескрываемым восхищением и гордостью отзывался он об актерских способностях сына.

Аркадий Райкин умел подмечать всякие забавные ситуации и добродушно посмеивался над ними. Так, его и других именитых гостей Юрмалы городской комитет партии пригласил покататься на яхте по Рижскому заливу. Писатель А. Чаковский уселся там за пианино и заставил всех слушать, как он «играет», постукивая одним пальцем по клавишам. А потом самонадеянно спросил: «Ну как?!» Наглядно изобразив эту сценку, Райкин пожал плечами: «*Гор мишуге!*» («Со всем свихнулся!»). Ну а в серьезном плане он много рассказывал о ростках еврейской культуры в Москве, о возникающих еврейских музыкальных и театральных коллективах, которые зачастую обращались к нему за помощью и советом.

Однажды, коротая время, мы с Райкиным придумали себе незатейливую игру. Каждый из нас произносил какое-нибудь слово на *иврите и переводил на русский. Обоим это доставляло удовольствие. Иные слова напрашивались сами собой, без напряжения памяти: *derex* — дорога, *шамаш* — небо, *авода* — работа, *рош* — голова... К общей радости изредка удавалось даже составить простенькое предложение. Ничего более путного ни у Аркадия Исааковича, ни у меня, увы, не получалось. Тогда я узнал, что родившийся в Риге Райкин в Первую мировую войну эвакуировался с семьей в город Рыбинск, где прошли его детские годы. Здесь он ходил в *хедр. И здесь же посещал обычную школу.

Предаваясь воспоминаниям, Райкин рассказал об одном из своих рыбинских соучеников по школе. Хилый еврейский мальчик, вызванный на уроке к доске, был настолько растерян и взволнован, что у него под ногами образовалась лужа — на виду у всего класса Мальчик, с которым произошел конфуз, впоследствии оказался необычайно способным. Он стал всемирно известным физиком. То был академик Я. Зельдович⁴. В зрелом возрасте, уже овеванные славой, однокашники редко встречались. Но когда это все-таки случилось, каждый говорил, что завидует другому...

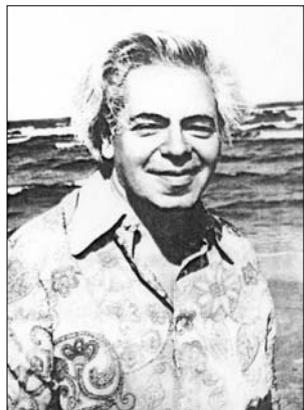
Среди тех, кто общался с Райкиным на курорте, был журналист Александр Каверзнев, мой давний знакомый. Страдая время от времени запоями, он тем не менее сделал карьеру и приобрел широкую известность как комментатор Центрального телевидения. Его новенькая «Волга» вызывающе красовалась на территории санатория вопреки строгому запрету парковать там частные машины. Как-то Райкин подошел ко мне и спросил, не помню ли я, как часто принято произносить традиционное пожелание «В будущем году — в Иерусалиме».

— Кажется, только один раз в году — на *Песах.

— Вот и я так думаю, а Каверзнев спорит со мной, утверждая, что «вы, евреи, говорите это каждую неделю по субботам...»

Чувствуя, что мои отношения с Райкиным становятся все более доверительными, я осмелился задавать некоторые деликатные вопросы. Меня, например, интересовало, как выдающийся артист оказался на злополучном антиссионистском митинге в Колонном зале Дома союзов⁵.

— Туда меня просто заманили, пригласив на «срочное совещание» и не сообщив о нем каких-либо подробностей, — сказал Аркадий Исаакович. — Я понял, что

Аркадий Райкин
(Юрмала, 1970-е гг.)

очутился в ловушке, когда увидел разыгрывающийся фарс перед телевизионными камерами. Я был в состоянии шока. И, конечно, не выступал, если помните.

Зашла речь и о клеветнических слухах вокруг имени Райкина, которые прокатились по всей стране. Их передавали из уст в уста в разных вариантах, иногда со ссылкой на «достоверные источники». Одно из самых абсурдных измышлений сводилось к тому, что артист отправил свою покойную мать для погребения в Израиль, а в гробу... припрятал много бриллиантов, целое состояние. Или еще слух, но иного свойства — про сорванный концерт в Киеве. Якобы на вопрос «Кто я такой?», содержащийся в райкинском монологе, некто из зала выкрикнул: «Жид!»

— Что касается Киева, — последовал ответ, — ничего подобного и в помине не было. Наоборот, нигде, пожалуй, в другом месте меня так восторженно не принимали. Мой памятный концерт в этом городе, проходивший, кстати, под эгидой ЦК комсомола, имел грандиозный успех. По окончании люди несли меня на руках к машине... А нелепых наговоров и сплетен действительно хватало. Когда я жил еще в Ленинграде, в бытность Романова секретарем обкома КПСС, несусветную чушь обо мне, в том числе историю с бриллиантами, распространял некий партийный лектор. Я возмущался, писал письма, ходил на приемы. Я настойчиво требовал остановить ретивого клеветника и ему подобных. Но все мои усилия ни к чему не привели. Тогда я начал самостоятельно бороться с порочащими меня слухами. Стал высмеивать их прямо с эстрады — в скетчах. И это помогло! «Официальное» муссирование небылиц с антисемитским душком прекратилось.

Мы коснулись также зловещего плана Сталина в отношении евреев под конец жизни диктатора⁶. О том, насколько реальной была надвигающаяся беда, много лет спустя Райкину напомнил случай. К нему в антракте одного из концертов обратилась незнакомая женщина, видимо, его почитательница, и протянула нумерованный лист бумаги, испещренный строчками машинописи. «Я это берегла для вас, — сказала она, пояснив, что муж в начале пятидесятых работал КГБ. — Возьмите себе на память». Перед глазами Райкина предстал список, сплошь состоявший из еврейских фамилий, среди которых он обнаружил и свою — с перечислением домочадцев, указанием адреса ленинградской квартиры, даже с пометкой о наличии черного хода. Такие списки составлялись во всех крупных городах.

Как раз в то лето, когда происходили эти беседы, на Рижском взморье поселился, арендовав несколько помещений, выездной... полуподпольный хедер. Мальчишек в ермолках и с белыми шерстяными кисточками поверх штанов⁷ я увидел во дворе у знакомых дачников. Тогда это было необычное зрелище. Смотрю, появился и раввин в черном облачении. Мы обменялись приветствиями, разговорились. Хедер с его питомцами и наставниками, оказывается, прибыл из Москвы. Подростки изучают *Тору, совершают молитвы, соблюдают *кашрут. Занятия сочетаются с отдыхом на свежем воздухе... Я будто перенесся в свое детство. Мне, родившемуся в довоенной Латвии, не внове наши заповеди и традиции. Но теперь они лишь смутно проступали в памяти. И я признался, что знаю-то всего-навсего одну-единственную молитву на все случаи жизни. На что *ребе ответил:

— В душе каждого еврея таится искорка веры, даже если он не догадывается о ней. Вскоре об этой встрече я поведал Райкину, связав ее с воспоминанием о гетто, откуда я спасся чудом и где погибли мои родители, моя сестра семи лет от роду, мои близкие и далекие родственники от мала до велика. Я сказал:

— В минуты отчаяния, тревоги и опасности я всегда читал молитву «Шма, Израэль!»⁸.

Райкин молчал. Потом наклонился ко мне (будучи выше ростом) и еле слышно произнес:

— Я тоже!

— Но я и сейчас, Аркадий Исаакович! — почему-то так же тихо добавил я.

Он опять наклонился и повторил:

— Я тоже!

В первую минуту эти неожиданные слова меня поразили. Кто бы мог подумать! Хотя задним умом вполне осознаю, что в сущности не было повода для удивления. И все же впечатление от того разговора свежо по сей день. Такое не забывается.

Завершая свои заметки, невольно вспоминаю и совсем иное откровение. Нескольких лет назад израильский журнал «Алеф» напечатал эмоциональное письмо в редакцию. Читательница из Америки с горечью откликнулась на высказывание Константина Райкина о том, что он, мол, воспитан и ощущает себя русским. Да в такой степени, что «впору бы в церковь сходить, что ли...»

Нет смысла сравнивать отца и сына. Пословица о яблоке, падающем недалеко от яблони, справедлива только в безветренную погоду. А еврейская улица особенно подвержена сильным сквознякам...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Райкин Аркадий Исаакович (1911—1987) — актер, артист эстрады. Родился в Риге. В 1935 г. окончил Ленинградский институт сценических искусств; работал в ленинградских драматических театрах, выступал как конферансье в московском театре «Эрмитаж»; с 1939 г. артист, а с 1942 г. художественный руководитель Ленинградского театра миниатюр (с 1982 г. Государственный театр миниатюр в Москве, с 1987 г. театр «Сатирикон» им. А. И. Райкина), выступал на фронте. Мастер мгновенного перевоплощения, часто использовал приемы эксцентрики и буффонады, исполнитель монологов, фельетонов, скетчей, пантомимы, создал галерею остросатирических и лирических портретов. Спектакли «На чашку чая» (1940), «Своими словами» (1945), «Вокруг света в 80 дней» (1951), «Смеяться, право, не грешно» (1953), «Времена года» (1956), «Белые ночи» (1957), «Любовь и три апельсина» (1959), «От двух до пятидесяти» (1961), «Волшебники живут рядом» (1964), «Светофор» (1967), «Избранное-73» (1973), «Его величество театр» (1981), «Мир дому твоему» (1985) и др., в каждом из которых играл десятки ролей. Многие слова и выражения из райкинских спектаклей стали крылатыми. Снимался в кино: «Доктор Каложный» (1939), «Валерий Чкалов» (1941), «Концерт фронту» (1942), «Мы с вами где-то встречались» (1954), «Аркадий Райкин» (1967), «Волшебная сила искусства» (1971), «Люди и манекены» (1974) и др. Автор книги «Воспоминания» (1993, посмертно). — *Ред.*

² В своих мемуарах А. И. Райкин писал о Юрмале: «Я совершаю прогулки по берегу — из Майори в Дзинтари и обратно, и мне легко дышится и думается легко. Здесь воздух какой-то особенный: воздух моего детства, моих воспоминаний — так я его ощущаю» (*Райкин А. Воспоминания*. СПб., 1993. С. 426—427). — *Ред.*

³ Руфь Рома — ее псевдоним; настоящее имя — Руфь Марковна Иоффе-Райкина (1915—1989) — актриса и литератор. — *Ред.*

⁴ Зельдович Яков Борисович (1914—1987) — физик-теоретик, академик АН СССР (1958); один из основоположителей современной теории горения, детонации и ударных волн; автор фундаментальных трудов по ядерной физике, физике элементарных частиц, астрофизике, космологии. В 1939 г. совместно с Ю. Б. Харитоновым впервые осуществил расчет цепной реакции деления урана. — *Ред.*

⁵ Имеется в виду состоявшаяся в Москве 4 марта 1970 г. и транслировавшаяся по телевидению пресс-конференция «граждан еврейской национальности», среди которых были государственные и военные деятели, ученые, писатели, артисты и другие известные люди, ряд из которых были вынуждены выступить с резкими антиизраильскими заявлениями. — *Ред.*

⁶ См. прим. 18 на с. 57.

⁷ Имеются в виду *цитит. — *Ред.*

⁸ «Слушай, Израиль!» (*др.-евр.*) — начало иудейской молитвы. — *Ред.*